

Тараканова А. Д.

ЖАНР УТОПИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ЖАНРА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/81.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 196-198. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В-пятых, особенностями внешнего вида: «Да и как-то не мог он там без бороды, со «скобленной рожей» объявиться. Это ж для старовера - все равно, что без штанов» [Турова 2007: 153].

Старообрядцы могли отличить «своего» даже по взгляду: «Глаз у ей какой-то ненашенский, думалось иной раз. У старовера глаз круглый, твердый, глядит - не сморгнет. А у Татьяны глаза долгие, аж с лица будто загибаются» [Турова 2007: 140].

Одним из старообрядческих согласий, представленных в Оханском районе, были так называемые *бегуны*: «Иной раз встанет деревня, живет зиму-другую, а потом в ночь снимется и убредет - бегуны, они и есть» [Турова 2007: 136]; «Бегуны не признавали ни священства, ни брака, уходили-убегали в глухие леса, в поиски Беловодья, в глухое «нетовство» [Турова 2007: 154].

Автор романа, являясь потомком старообрядцев, высказывает устами героев и свои взгляды на старообрядчество: «Чистоплотность, трезвость, семейственность и целесообразность всей жизни - отжившая традиция?! Где это она, интересно, в России бытовала и уже отжила? До кержацких-то традиций никто еще в России и не дожил» [Турова 2007: 177].

Интересны для читателей романа моменты, связанные с пермской чудью - народом, который ученые считают предками современного финно-угорского населения Прикамья: «Говорят, что водился тут раньше по лесам такой мелкий народец, рослому мужику по колено, - чуды, чудь белоглазая» [Турова 2003: 116].

Чуды для русских - нечто вроде духов, которые могут быть злыми, если с ними не ладишь, и добрыми, если подружишься: «Филипп Логинович отправляет Григория с семьей на дальнюю пасеку, к чудам. Чуды стерегли пасеку от медведей и бродячего народа»; «Что ни начнешь на пасеке делать али топором рубить, обязательно несколько чудей придут - удивляться. Чудь, одно слово» [Турова 2007: 155]; «Чудам очень любопытны были большие люди. Большие частенько обижали их, поэтому чудь научилась прятаться и начала разбираться в добре и зле... А если к ней без злобы и насмешки, то нет лучше друга, чем чудь» [Турова 2007: 160].

Таким образом, роман Е. Туровой ярко репрезентирует оппозицию «свой» - «чужой», существующую в картине мира народов, населяющих Пермский край.

Данная оппозиция является жизненно важной для такой этноконфессиональной группы русских, как кержаки. По некоторым признакам они близки казакам - этносоциальной группе русских, которых Е. В. Брысина называет социальными интровертами, что означает «обращенность внутрь своей малой первичной группы» [Брысина 2003: 179].

Старообрядцы также являются социальными интровертами, что позволяет им выжить в тяжелых условиях и сохранить отличительные особенности своей культуры, уклада жизни и религиозных традиций.

Список использованной литературы

1. **Брысина Е. В.** Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е. В. Брысина. - Волгоград: Перемена, 2003. - 293 с.
2. **Турова Е.** Кержаки. Проза / Е. Турова. - Пермь: ООО «Маматов», 2007. - 320 с.
3. **Черных А. В.** Народы Пермского края. История и этнография / А. В. Черных. - Пермь: Изд-во «Пушка», 2007. - 296 с.

ЖАНР УТОПИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ЖАНРА)

*Тараканова А. Д.
Магнитогорский государственный университет*

Долгое время исследователи уделяли недостаточное внимание утопии, научный интерес к этому жанру появился лишь в конце XX в. Цели данной статьи следующие: представить обзор основных этапов развития жанра утопии в русской литературе и выявить на каждом из них основные содержательные аспекты.

Жанр литературной утопии формировался во многом под влиянием устного народного творчества. «Долитературная утопия означает в основном фольклорные виды: легенды, сказания, духовные стихи, предшествующие профессиональной литературе или бытующие одновременно с ней» [Мильдон 2007: 7]. А.Ф. Любимова отмечает, что, с точки зрения исторической поэтики, утопия тесно связана с фольклором; как большинство фольклорных жанров, утопия канонична, ее структура не подвергается изменениям. Сюжет утопии восходит к фольклорным архетипам. Так, в сюжете утопии заложены архетип «золотого века», мотив идеального правителя, сказочного материального изобилия и торжества единых моральных законов, избавляющих человека от проблемы нравственного выбора [Любимова 1994: 92].

Среди национальных истоков утопического жанра в русской литературе исследователи называют путевую литературу и народные легенды. К. В. Чистов выделяет два типа социально-утопических легенд: о царь-избавителе и о далеких землях. Отличительными чертами этих легенд были специфические социальные и политические функции, особый вид взаимоотношения с действительностью. Социально-утопические легенды выделялись среди других фольклорных рассказов несказочного характера тем, что в них рассказывается не только о существующих событиях, но и о тех, которые могут произойти в будущем. Именно это качество

в сочетании с политическим содержанием и делает легенды социально-утопическими [Чистов 1967: 335].

Н.И. Глушанина указывает на значительную роль литературы Петровской эпохи в формировании жанра. Путевые записки, дипломатические дневники конца XVII начала - XVIII вв. участвовали в решении глобальных задач, стоявших перед правительством, они знакомили читателя с культурой других стран, помогая сделать осознанный выбор культурных традиций и поиск оптимальной модели исторического развития для новой просвещенной российской государственности. Так, в путевых записках мотив пути-дороги играет сюжетобразующую роль, организуя вместе с мотивом встречи хронотоп «чужого мира». Хронотоп «чужого мира» отражает концепцию мировидения и мировосприятия авторов. В целом, в петровскую эпоху создались условия, способствующие возникновению жанра утопии [Глушанина 1995: 8]. Общеизвестно, что эсхатологическое сознание было свойственно части русского общества XVII - XVIII вв. «В демократических слоях общества оно проявилось в очередном ожидании конца времен и пришествия в мир Антихриста. Отсюда - достаточно широкое распространение легенд о Петре I - Антихристе. В контексте данного сознания Петр, разрушая старый мир, создает новый, уподобляясь божественному правителю классических древних утопий» [Лотман 1982: 236].

Однако первые в полном смысле литературные утопии относятся к XVIII в. Т. А. Чернышева связывает генезис русской утопии с процессом европеизации русской культуры XVIII в. [Чернышева 1990: 122]. Возникновению утопии также способствовала растущая популярность жанра, которая питалась стремлением использовать утопию для осмысления и решения проблем, стоявших перед русской действительностью.

На практическое значение утопий в русской общественной мысли XVIII в. указывают многие исследователи. Д. В. Устинов и А. Ю. Веселова используют специальный термин «утопия как деятельность». По их мнению, до середины XVIII в. все мироздание в представлении русского чело века обладало жесткой закрытой структурой, а государственное устройство в форме абсолютной монархии расценивалось как ее наиболее целесообразное воплощение. Однако с середины XVIII в. мир постепенно перестает мыслиться неизменным и регламентированным. Этот процесс был обусловлен многими причинами, в частности распространением просветительских идей, а также исследованием новых земель. Человек осознает свою способность оказывать влияние на окружающий мир и одним из проявлений подобных изменений в мышлении стала «утопия как деятельность». Она представляла собой попытку воплощения в реальной жизни оформленных и законченных представлений об идеальном устройстве жизни и отличалась, прежде всего, продуманностью путей ее достижения. Т. к. одной из особенностей русской литературы XVIII в. было отсутствие в сознании людей четкого различия между художественным и нехудожественным текстом, то идея совмещения «полезного и приятного» проходила через большинство произведений XVIII в. «Утопия как деятельность» непосредственно воздействовала на литературный процесс и становилась, порой, явлением литературного быта. Все вышесказанное можно отнести, например, к произведениям М. М. Хераскова, А. Т. Болотова, Н. И. Новикова, множеству журнальных статей, и практически ко всей масонской литературе, как переводной, так и оригинальной [Устинов, Веселова 1998: 77].

Собственно утопии и утопические мотивы в русской литературе XVIII в. мы встречаем в творчестве А. П. Сумарокова, А. Н. Радищева, В. А. Левшина. Одним из интереснейших памятников русской утопической литературы XVIII в. считается роман М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую». В утопии Щербатов воплотил планы преобразований, которые он разрабатывал в течение своей жизни. Офирская земля - это та возможная Россия, которая стала бы результатом предлагаемых Щербатовым реформ.

«До конца XVIII в. русская социальная утопия всецело пребывала в рамках политико-морального конструирования. Связь технико-технологических достижений с общественным строем намечается лишь у В. Ф. Одоевского, утопию которого «4338 год» можно назвать первой в ряду «технических утопий». У Одоевского развитие науки и техники позволяет решить социальные проблемы. Вместе с тем Одоевский понимал опасность утилитарного подхода к жизненным ценностям, что отражено в его критической утопии «Город без имени» [Артемьева 2005: 480].

К числу декабристских утопий относится «Сон» А. Д. Улыбушева. В 1820 году печатается социальная утопия В. Кюхельбекера «Европейские письма», написанная от лица американца, путешествующего по Европе XXVI столетия, в ней образ Америки воплощает будущее России. Во второй половине XIX века появляется целый ряд социально-философских и художественных произведений, включающих в себя утопические мотивы. Здесь следует назвать роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (4-ый сон Веры Павловны). Утопический сон заканчивается словами о красоте будущего. Для утопии Чернышевского характерны исторический оптимизм, вера в прогресс, в возможность приближения грядущего и его предвидение.

Сложным и противоречивым предстает будущее в художественном мире Ф. М. Достоевского. Писателя всегда волновала идея Золотого века человечества: возможно ли обращение человека к подлинной идиллии красоты и естественности жизни? Эта тема звучит в романе «Подросток» (1875) и в рассказе «Сон смешного человека» (1877). Если сравнивать эти два произведения, то станет очевидным, что мотив Золотого века предстает в них по-разному: в первом - как «высшее заблуждение человечества», втором - как некий гуманистический идеал, который может быть осуществлен.

Мотивы утопии присутствуют также в некоторых рассказах Салтыкова-Щедрина: «Сон в летнюю ночь», «Скрежет зубовой», где сны выступают в ироническом контрасте с реальностью. Конец XIX - начало XX вв. воспринимались многими как переломная эпоха, предвосхищающая наступление нового периода человеческой истории. Эти настроения породили футурологический взрыв [Шестаков 1986: 27].

Мысль о том, что внешнее благосостояние и материальный достаток не являются единственными признаками совершенного общества, что научно-технические достижения не только не являются панацеей от социальных болезней, но, напротив, извращают человеческую природу, отчетливо проявилась в русской утопической мысли второй половины XIX - начала XX вв. («Вечер в 2217 году» Н. Д. Федорова, «Жизнь через сто лет» Г. П. Данилевского, утопические повести В. Я. Брюсова «Земля», «Республика Южного Креста», «Семь земных соблазнов»). Здесь мир техники описан как жестокий и бездушный, уничтожающий и нивелирующий личностное, индивидуально-неповторимое начало в человеке. В России антитехнический утопизм возник несколько раньше, чем на Западе.

В первой половине XX в. символом будущего становится уже не «электричество», а освоение космоса. На других планетах исследователи находят или уже готовые образцы «коммунистического завтра» («Красная Звезда», «Инженер Мэнни» А. Богданова), или благодатный материал для социально-преобразовательной деятельности («Аэлита» А. Толстого). Характерно, что в научно-фантастической литературе, форме, в которой наиболее часто выступал технический утопизм, «коммунистическое» и «космическое» непосредственно соседствовали вплоть до 60-х гг. XX в. [Артемьева 2005: 483]. В советский период наступает «застой» утопической мысли, что было обусловлено вниманием литературы к непосредственным проблемам преобразования жизни. В послевоенной литературе утопические черты появляются в произведениях научных фантастов В. И. Немцова, А. Г. Адамова, А. Л. Казанцева, И. А. Ефремова, А. Н. и Б. Н. Стругацких» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 459]. В XX в. утопия как выражение положительного идеала практически не встречается, уступая место типологически родственной антиутопии, которая в научной литературе рассматривается как «негативный» вариант утопии или как самостоятельный жанр.

Итак, жанр утопии с момента появления первых авторских произведений до XX в. прошел длительный путь развития. Литературная утопия возникла в России в XVIII в. на основе национальной фольклорной традиции и жанра путевой литературы. Русская утопия, безусловно, в какие-то моменты испытывала влияние европейской литературы, но на всех этапах развития русский утопизм отражал в художественных формах актуальные общественные проблемы и создавал идеальные конструкции, которые должны были способствовать исправлению несовершенной действительности.

Список использованной литературы

1. **Артемьева Т. В.** От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения / Т. В. Артемьева. – СПб.: Алетей, 2005. - 496 с.
2. **Глушанина Н. И.** Проблема жанра утопии в контексте путевой литературы петровской эпохи / Н. И. Глушанина // Поэтика жанра. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. - С. 3-23.
3. **Литературный энциклопедический словарь** / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. - С. 459-460.
4. **Лотман Ю. М.** Отзвуки концепции «Москва - третий Рим» в идеологии Петра Первого. К проблеме средневековой традиции в культуре барокко / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Художественный язык средневековья. – М., 1982. - С. 236.
5. **Любимова А. Ф.** Утопия и антиутопия: опыт жанровых дефиниций / А. Ф. Любимова // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах. - Пермь, 1994. - С. 92-98.
6. **Мильдон В. И.** Санскрит во льдах, или возвращение из Офира / В. И. Мильдон. – М.: РОССПЭН, 2006. - 288 с.
7. **Устинов Д. В.** «Утопия как деятельность» в русской культуре второй половины XVIII в. / Д. В. Устинов, А. Ю. Веселова // Вестник СПбГУ. – СПб., 1998. - Вып. 1. - Сер 2. - С. 76- 80.
8. **Чернышёва Т. А.** Русская утопия / Т. А. Чернышева. - Сибирь-Иркутск-Новосибирск, 1990. - № 6. - С. 118-127.
9. **Шестаков В. П.** Эволюция русской литературной утопии / В. П. Шестаков // Русская литературная утопия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. - С. 5-32.

БАСНЯ ЛАФОНТЕНА «СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ» В РУССКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ (МОДЕЛЬ УРОКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ)

Тимофеева Е. Н.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Учителю, использующему **метод сравнения переводов** на уроках иностранного языка, необходимо работать с экстралингвистической информацией, без которой сравнение переводных произведений с подлинником может ограничиться формальным поиском эквивалентов и механическим сопоставлением лексических единиц.

Каждый художник принадлежит своему времени: литературное произведение не следует рассматривать в отрыве от той эпохи, в которую оно создавалось.

Великий французский баснописец Лафонтен жил и творил в эпоху классицизма, когда высшим идеалом, высшей целью человека творческого было бескорыстное служение искусству. Середина 17 века - время зарождения капитализма во Франции. Мелкая буржуазия, измеряющая все вокруг себя понятиями «польза» и «выгода», не могла еще понять, какую же выгоду она может извлечь из искусства. Происходит столкновение героического и бытового измерения жизни.